

Панельная дискуссия

«КАКИМИ ИНСТИТУТАМИ И КОММУНИКАЦИЯМИ ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ?».

Модератор: Смирнов Сергей Алевтинович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и инновациям Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Участники:

Блинов Геннадий Николаевич, директор Центра развития образования, руководитель Центра программы развития человеческого потенциала, Института повышения квалификации работников образования, Красноярск

Муха Надежда Владимировна, МБОУ СОШ «Эврика-развитие», г. Томск, Заместитель директора по инновационной деятельности. Председатель Программного комитета Сибирской молодежной Ассамблеи «Профессии будущего»

Ефимов Валерий Сергеевич, Сибирский федеральный университет, директор Центра стратегических исследований и разработок, СФУ

Островерх Оксана Семеновна, руководитель группы Института педагогики развития школы «Универс», Красноярск.

Попов Александр Анатольевич, д. филос. н., профессор Федерального института развития образования, научный директор Открытого Корпоративного Университета «Школа Гуманитарного Образования»

Юстус Татьяна Ивановна, заведующая детским садом «Журавушка» университетской гимназии «Универс», Красноярск.

Баландин Олег Геннадьевич, заместитель директора по науке красноярской гимназии «Универс».

Смирнов С.А.: Доброе утро уважаемые коллеги и участники конференции. Я хотел бы 2 слова сказать о проблематике. Когда мы готовились к конференции и обсуждали вопросы, связанные с тематикой панели и вопросами, то остановились на следующей теме дискуссии: *«Какими институтами и коммуникациями обеспечиваются практики развития?»*.

Мы хотели обсуждать не просто сами по себе практики развития, наше опытничество, т.е. то, кто что делает, а обсуждать их с точки зрения институциональных форм и коммуникаций, которые их крепят. Участникам есть что сказать про практики, которые у них на пальцах, и все таки, попробуем обсуждать не сам по себе опыт, а шанс на дальнейшее осмысленное существование и развитие.

Второе. Вся эта рамочная тема разбивается на три реперных вопроса. В течение полутора часов я бы хотел с коллегами обсуждать практики развития через призму этих «реперов».

Первый вопрос. Что крепит эти практики развития, институционально и коммуникативно, или они держатся чисто на энергетике представителей? Вот они тратят здоровье, силы – жизнь проходит.

Второй вопрос. С какими вызовами столкнулись практики развития, носители этих практик, и что они делают, чтобы на них ответить?

И третье. Какие новые практики развития грядут или уже запускаются, какие институты и новые традиции должны полагаться, чтобы практики развития жили дальше?

Хочется, с одной стороны, дисциплинированно это обсудить, а с другой стороны, призываю участников дискуссии не скромничать, реагировать на реплики друг друга, чтобы у нас появился живой разговор, чтобы была живая искра в нашей дискуссии.

Итак. Коллеги, что такое практики развития с точки зрения институциональных форм, что их крепит и какие здесь ключевые проблемы? Или они держатся на нашем энтузиазме? Очереди нет, пожалуйста, кто готов.

Ефимов В.С. Пару слов о том, что я понимаю под практиками развития, и, таким образом, мы выходим на проблему институционализации. То есть, практика развития включает в себя такую онтологию, как базовую категориальную конструкцию – платформу, из которой разворачиваются идеи, из которой разворачиваются новые инструменты, и на основании которых возникают такие маленькие очаги, изменения, которые можно назвать лабораторными практиками, в таких полуйскусственных условиях. И на следующем шаге разворачиваются массовые практики, которые и требуют, с одной стороны, легитимизации, а с другой стороны – институционализации.

По жизни я был причастен к трем практикам. Одна практика – это практика развития мыследеятельности. В основании лежит СМД-платформа. Дальше, инструментарий, который вырабатывался в ММК, в институциональной форме. Кстати, по-разному считают, например, ОДИ, как институциональную форму. Но я помню высказывания Г.П. Щедровицкого, когда он говорил, что: «Я могу собрать вместе 2000 молодых людей, с энтузиазмом, с идеей, с готовностью к действию, но я не могу устроить их на работу». В этом смысле проблема институционализации в то время уже существовала.

Вторая практика развития, которая в основном обсуждается на социоконференции – это линия психологии развития, как ее сейчас Борис Эльконин представляет. В основании лежит платформа культурно-исторической концепции Выготского (КИК). Там есть определенная онтология развития, нарабатывается инструментарий, более того, есть как-то локализованные, вот эти практики, в виде школ, энтузиастов, в первую очередь директоров, учителей и как-то примыкающих к ним родителей. Но проблема институционализации, которая собственно обеспечивает масштабность и воспроизводство самой практики, и она там тоже является открытой.

И третья – это практика социально-экономического развития, которая у нас была импортирована, в первую очередь, Леонтьевским центром, через концепцию стратегического планирования, где есть множество субъектов, и собственно проблема институционализации этой практики сейчас свелась к опыту по разработке стратегических планов развития территорий. Мы с Жихаревичем Борисом Савельевичем это обсуждали в 2004 году, и к 2013 появился закон о стратегическом планировании, который, собственно, сильно деформировал идею стратегического планирования. А зачистка поля привела к тому, что стратегических игроков на этом поле осталось минимальное количество.

Таким образом, я считаю, что проблема институционализации практик развития состоит в отсутствии перехода лабораторных локальных практик к массовым, которые и начинают менять действительность. Можем пообсуждать, как этот переход вообще строится, и я могу это тоже дальше еще пообсуждать.

Смирнов С.А.: Смотрите, что получается с игрой, с ОДИ. В детстве игра – необходимая часть жизни человека, не поиграл – ты не доделан, а в ОДИ не поиграл – тоже не доделался. Вот там такое мышление жило, они отсюда уходили в жизнь...

Ефимов В.С.: Когда мы смотрим на Эльконина, как разворачивается его мышление, то есть он в этом смысле система сама в себе. Он одновременно является материалом для достраивания КИК, сам собой является материалом. Одновременно он является автором этого действия, который переводит это в знаки, символы и удерживает эту концепцию

Смирнов С.А.: Так пусть будет много таких Эльконовых, носителей этого мышления.

Ефимов В.С.: Но масштабных изменений не произойдет, потому что есть разрыв между локальными практиками и массовыми практиками.

Баландин О.Г.: Пару слов. По-моему, надо начинать разговор про практики развития с того, почему он собственно появился сейчас, этот вопрос? Потому что есть ощущение, что сейчас время говорить про практики развития. Собственно сейчас и переименование конференции случилось. А если относиться к истории, Д.Б. Эльконин писал, что детство появляется в связи с тем, что ребенок не может быть непосредственно включен в трудовой процесс. Появилось детство, и появились институты обучения. Но при этом, сейчас тот момент, когда, отчасти в связи с развитием компьютерных технологий, отчасти просто в связи с тем, что детство уже имеет достаточную историю, появились такие виды деятельности, занятия, и мы их и хотим назвать практиками развития, - собственно когда уже ребенок может решать не искусственную задачу, действовать не в искусственной ситуации, а создавать реальный сайт, делать как бы реальное дело. Создавать такие продукты, которые являются обще признаваемыми, и фактически этот момент порождает потребность в том, чтобы выстраивать особые практики.

Но, при этом у существующих образовательных институтов есть огромная инерция и осознание этого момента, что с одной стороны, появились те практики, те виды деятельности, которые содержат больший потенциал развития, нежели те, которые существуют в школе. Вчера у нас был круглый стол Ассоциации школ Сколково, и мы обсуждали возможный общий проект. Фактически, одна из генеральных линий обсуждений касалась того, что острота момента состоит в том, что это сетевое сотрудничество могло бы быть построено вокруг порождения такого сообщества, где эти детские результаты могли бы находить место в более широких социальных контекстах, в более широких социальных институтах. Фактически, когда мы говорим про институционализацию практик развития, проблема, по-моему, состоит в том, что этих институтов, проекта таких объединений не существует.

Смирнов С.А.: Не существует? Даже ростков?

Баландин О.Г.: Нет, ростки есть...

Смирнов С.А.: Но примеров активности много при этом, которые за пределами школы, и мы это с первого дня обсуждаем. То есть это просто форма активности, и это не практики развития.

Юстус Т.И.: Я все-таки зацеплюсь за это словосочетание, потому что для меня институт развития – это как-то странно звучит. То есть мне понятно про практики развития, про то, что они должны оформляться, но говорить про институт развития... это противоречие. Почему? Развитие возможно там, где мы по-настоящему собираемся какие-то противоречия разрешать, и институты, для меня, это как раз та форма, которая уже устроена для того, чтобы противоречие разрешилось, и случилось новое содержание. В этом смысле институт – это уже результат развития, а не его основание и источник. Если мы хотим практику организовать, то по логике разрешения противоречий нам нужны хорошо оформленные позиции, которые начнут оформлять свои интересы и стараться их разрешать. И я думаю, что Олег Геннадьевич отчасти про это говорил, речь идет о том, что не хватает пространства, где оппозиционеры будут сталкиваться и, оформляя противоречие, двигать нас куда-нибудь к лучшему содержанию. И, на мой взгляд, сейчас в этом и проблема, что очень мало тех, кто может четко оформить нынешние противоречия, по крайней мере даже последние два дня конференции показывают, что даже здесь мы их оформить не можем. Они у нас очень плавающие пока.

Смирнов С.А.: А оформить в каком виде, про что речь идет?

Юстус Т.И.: Противоречия хотя бы сформулировать, что с чем не согласуется.

Смирнов С.А.: То есть проявить, предъявить и скоординировать...

Юстус Т.И.: И самоопределиться каждому

Ефимов В.С. к Т.И. Юстус: А Вы где видите противоречие? В слое этих концептуальных разработок? Или между теми пилотными пробными действиями, которые кабинетные практики, локальные практики и собственно концептуальными разработками? Или в третьем слое, где переход к массовому действию, и в этом смысле меняющему ситуацию социальному действию, но не происходит, потому что нет институтов, нет адекватных форм, которые бы поддерживали усилия каких-то людей. Где противоречие? В чем?

Юстус Т.И.: То, что мешает лабораториям выйти в массы, это, безусловно. Но эти противоречия недостаточно оформлены. То, что не оформлено, на мой взгляд, - это противоречие между *современным вызовом*, и *текущей ситуацией* в образовательных институтах. Институтов пока нет, но этим можно заняться и это будет сделано.

Блинов Г.Н.: Я бы воспользовался термином противоречие, который сказали, и у меня два коротких тезиса, просто чтобы заявить свою позицию, потому что без этого невозможны ни коммуникация, ни взаимодействие.

Поэтому первое. Что я понимаю под институтами? Для меня институты – это то, что в современной ситуации позволяет производить знание, позволяет осуществлять обращение этих знаний – циркулировать этому знанию, и капитализацию знаний. Если нечто претендует на то, что оно может весь этот цикл обеспечить – это является институтом. Через что – это отдельный вопрос, через систему норм и т.д. Это сейчас я пока не обсуждаю. С этой точки зрения, я вижу, что на смену институту науки приходит институт инженерии современной, например системной инженерии, которая позволяет очень эффективно три эти процесса удерживать – производство, обращение, капитализация знаний, в виде, например, конвергентных технологий, ну либо еще каких-то других определенных технологических решений.

Второе. Институт – это конечно институт образования. Но в какой мере этот институт образования сможет удержать в себе или по-новому запустить эти три процесса? Обучение как производство знаний, процесс производства знаний; обращение этих знаний и капитализацию знаний? В такой мере эти два института могут быть квалифицированы как институты.

В какой мере так понимаемые институты смогут обеспечить практики развития? Мой ответ состоит в том, что они в той мере смогут обеспечить практики развития, в какой они могут задать современные протоколы для этих систем и норм для этих трех процессов. Если будут постоянно появляться эти протоколы, особым образом, и они могут дисциплинировать, регулировать вот эти три процесса, то в этой мере они могут претендовать на обеспечение практик развития. Один из ключевых протоколов, которые здесь можно обсуждать – это протокол коммуникации, но к этому перейдем чуть позже.

Смирнов С.А.: Про протоколы, это про что?

Блинов Г.Н.: Про нормы

Смирнов С.А.: Про нормы. Стандартные?

Блинов Г.Н.: Не обязательно. В протоколах не обязательно нормы могут быть стандартизированы. Они могут приниматься, прежде всего, здесь и сейчас нашим круглым столом. Мы можем принять нормы нашего взаимодействия и им следовать ровно на этот такт времени. Будет ли это стандартом? Думаю, что нет.

Смирнов С.А.: Я просто обостряю. Потому что норма есть норма. Норма по поводу акта развития возможна?

Блинов Г.Н.: Нормы не по поводу акта развития. Нормы организации деятельности, которые могут привести к развитию.

Ефимов В.С.: А у тебя не схлопнулись практики развития с институтами, которые ты таким образом обозначил? Просто обращение знаний, капитализация – это и есть то, что, грубо говоря, называют практиками развития. А институт – это такая особая конструкция, которая обеспечивает воспроизводство, удержание...

Блинов Г.Н.: Институт – это то, что позволяет удерживать три типа протокола. Протокол относительно производства знаний, то, что позволяет обращать эти знания и капитализацию в разных формах.

Ефимов В.С.: Практика чем от этого отличается?

Блинов Г.Н.: Теперь, если переходить к развитию, то я хотел бы сказать, во многом ссылаясь на характеристики ММК, где есть три характеристики развития, и я им следую сегодня в практической деятельности. Первое, это структурное усложнение этой деятельности. Второе, внутренний имманентный источник этого усложнения. И третье, когда это усложнение обустроено образом будущего, а не прошлого и настоящего. Так понимаемое развитие может быть практикой, если относительно этих трех характеристик выстраиваются определенные кооперации между разными позициями. Позиция, например, деятеля, позиция методиста, которая позволяет задавать определенные правила осуществлению этой деятельности. Позиция историка, например, ученого и т.д. То есть в этом смысле практика, если метафорически сказать, связана с ответом на вопрос: «Что вы делаете, когда вы это делаете?» Практика в этом смысле противостоит технике. Что ты делаешь? «Я кирпичи кладу». А второй говорит: «Я храм строю». Тот, кто отвечает про храм – он практик. Для того, чтобы так человек мог ответить, нужны эти институты про которые я сказал.

Островерх А.С.: Я отнесусь тоже к слову «противоречие». Я занимаюсь проектированием, построением образовательных пространств дошкольного и младшего школьного возраста, те трудности и переход от идей, которые связаны с опосредованием и построением инициативного самостоятельного действия ребенка. Противоречие состоит в следующем. Когда мы проектируем, организуем условия для пробы детской, то взрослая проба, она фактически останавливается нормами института школы. Это соотношение между функционированием и развитием педагога, оно, на мой взгляд, сейчас очень сильно обострено и функционал, которого становится очень много, и когда говорят о новых стандартах, то стандарт – это еще один из путей укрепления и расширения этого функционала. Нужны специальные формы организации, которые мы в Гимназии укрепляем, через создание такой Мастерской. Для меня это такое своеобразное сообщество горизонтальное, когда мы говорим «сети».

То сообщество, где коммуникация между людьми с разными позициями – методиста, учителя, управленца. Потому что учителю самому удержать в этом режиме пробы не представляется реальным. Если не будет такого коллективного субъекта с разными позициями, то продвигаться очень сложно. Это было одной из причин моего перехода. Я делала проект в детском саду по заказу, там это реализовать было очень сложно, я вышла на частную практику проектирования организации частного детского сада и центра. Здесь работать легче. Там, где нарушена связь между традицией и осмысленным действием, все очень быстро превращается в зарабатывание денег. Твой опыт должен на чем-то основываться. Практика развития – это всегда выстраивание своего действия: А) исходя из традиций, опоры и Б) с определенной перспективой, то есть что ты хочешь. Момент хода в будущее, я согласна с Геннадием, он обязательно должен присутствовать.

Смирнов С.А.: Спасибо. Если я правильно понял вашу сторону, в жестко-функциональной структуре сужается пространство для реализации практик развития, но важно иметь эти островки. Вам было жестко, вы перешли, огородились, обставились протоколами. То есть мы живем этими островками, анклавами, это пока позволяет выжить. А дальше?

Островерх А.С.: Пока позволяет, но важно понимать, какие здесь риски. На базе Гимназии есть институт, где обсуждаются определенные исследовательские направления и фиксируется практика. Если не будет этого института, и останется школа как функционирующий институт, то это тоже один из рисков в современной ситуации.

Блинов Г.Н.: Скажите, а для Вас тогда институт – это то, что позволяет «сбегать» в эти зоны экспериментирования, либо институт – это то, что появляется в зоне экспериментирования?

Островерх А.С.: Я согласна с Татьяной (Т.И. Юстус) в том, что с одной стороны институт – это завершение, прикрепление, укрепление, укоренение определенного экспериментального хода.

Блинов Г.Н.: И он появляется в результате экспериментирования?

Островерх А.С.: Он появляется в результате экспериментирования. Ну как в свое время возник Институт психологии практик развития.

Смирнов С.А.: Услышали. Надежда Владимировна, вам слово.

Муха Н.В.: Прежде чем говорить, я хотела бы обозначиться как человек школьный, школьный в том смысле, что я бы попыталась как можно дольше в нашей дальнейшей совместной работе, не сегодня, а в целом, удерживать позицию, что нужно найти попытки совмещения школы и образования, и даже школы и развития в каких-то определенных режимах взаимодействия.

В этом смысле, работая в своей школе, мы считаем практиками развития те практики, которые увлекают одинаково детей и взрослых на некоторое саморазвитие, через продуцирование. И если, например, спрашивать что мы конкретно реализуем и пытаемся реализовывать в качестве этих практик, я бы сказала, что это организация таких пространств и таких ситуаций, в которых возможно приобщение к решению больших задач, больших чем ребенок, больше, чем решаемая задача, больше, чем сложившееся видение.

И второе, что я хотела бы развить – это такие ситуации, в которых в решение больших задач равноправно вовлечены как дети, так и взрослые. В этом смысле это ход привычной образовательной модели, когда у взрослого одна функция, а у ребенка другая. И понятно, что один является объектом воздействия другого, относительно задач развития, обучения и т.д. Кстати, нужно упомянуть, что практики и прототипы таких практик уже давно существуют, уже столько, сколько оформлено инновационное образование. И они строятся на том, чтобы одновременно и дети, и взрослые решают задачу, которая по принципу не решается. В совместном каком-то действии, строят тот конструкт или то понятие, которое продвинет общее понимание в ту сторону, где оно возможно. И в каких-то видах мы пытаемся повторять это через режим Молодежной Ассамблеи. И практики, которые вовлекают реальных взрослых, профессионалов со своими проблемами, со своими задачами и детей, не как редуцированных до ученика, а детей полноценных с их интересами, с их возрастными и личными задачами.

Например, в таком проекте как «Соседство», где пространством образования, освоения, продвижения к совместному является, например, целый город, какой бы это город ни был. Томск, Красноярск, Новосибирск – не важно. И в этом смысле, говоря о том, чем могут быть закреплены такие практики в деятельности, развивающей одновременно детей и взрослых, через то, что они приобщаются к какой то большей задаче, возможной в школьном пространстве, нужно говорить о том, что они скорее всего событийны и решаемы в рамках предметных, межпредметных и прочих стратегических, экономических и прочих задач. Во-вторых, если в том числе считать индивидуальной образовательной программой не то, что происходит между ребенком и образовательным процессом, а то, что происходит между семьей и ее совместным будущим, на данном этапе, где задействована школа, то мы можем указать на практику, крепящую развитие и школу, в том числе, тьюторство. Мы рассматриваем в таком вот большом ключе приобщение всей семьи к тому, что должно происходить в ребенке, в контексте его дальнего развития и развития всей семьи.

И говоря о тех вызовах, с которыми сталкиваются практики развития. Первое препятствие – это дефицит в образовательном пространстве, в пространстве школы как можно большего числа мест непредзаданности, о которых говорит Борис Данилович.

Непредзаданности результата, достижения, того пустого пространства, в котором может уместиться внезапно возникший интерес, проект, внезапно прилетевшая мысль. Вот где этому место реализации?

Смирнов С.А.: Среди нашей структуры образования его нет.

Муха Н.В.: Об этом и говорю в качестве ограничения. Это один из тех протоколов, которые должны быть изменены.

Во-вторых, вдруг в школе начнут присутствовать реальные взрослые, представители своих профессий и т.д. Учитель тоже может стать реальным взрослым, если откинет все учебное и начнет быть представителем какой-то онтологии. Но, к сожалению, сейчас это место каких-то редуцированных практик.

Третье ограничение. Я поясню через историю. У нас, в Томске, планируется создание города-университета. Для нас это значит, что для всех жителей, от нуля и до бесконечности, образование будет являться образом жизни. Это значит, что в любом месте города можно будет реализовываться через продуцирование нового знания, своего интереса. И мы обсуждаем, как бы это могло быть, что это за конструкция, где это возможно. И очень сложно это обсуждать. Ведь Университету, для того, чтобы пребывать в образе университета, какой он есть, не нужно ни города, ни всех этих людей от нуля до бесконечности. Образ университетского образования не предполагает наличие города, и того, что есть люди, которые как-то могут быть вовлечены в те практики, которые осуществляет университет. А ведь это же крутые практики – исследовательские, конструкторские, проектные – это реальные ученые. Но каким образом можно было бы создать такую среду, где все они могли бы, например, участвовать в каких-то таких ситуациях, пространствах, деятельности, где все они участвуют в реализации себя в образовании? В этом смысле, говоря о новых институтах, я, наверное, говорила бы не столько о протоколах, крепящих каких-то нормах, сколько о том, куда такого рода коммуникация вытолкнет? В какую необходимость развиваться друг об друга?

Смирнов С.А.: Ну спросим себя конкретно. Студент Томского политеха может работать в лаборатории ТГУ? Его пустят туда?

Муха Н.В.: Они начинают придумывать различные сетевые программы и т. д.

Смирнов С.А.: К вопросу о городе-университете, где разные точки, открытые разным участникам совместных проектов?

Муха Н.В.: Я хотела бы с Геннадием Блиновым сейчас тоже в диалог вступить, Сначала должны возникнуть размыто существующие протоколы - не новые. Например, протокол того, кто, как у нас к какой деятельности прикреплен.

Блинов Г.Н.: Это такая сложная вещь, как одни протоколы приходят на смену другим. В постановке, в жесткой, не контрабандой тянут старые протоколы под новые. Они принципиально новые должны быть.

Смирнов С.А.: Вирус, пожирающий старые протоколы.

Муха Н.В.: Мы сейчас размываем, сами пожираем, старые протоколы начинаем преобразовывать в новые, но сложно. Если мы, например, возьмем слово из Бориса Даниловича: «вовлечение». Процесс вовлечения, в отличие от процесса алгоритмического воспроизведения знания и навыка. Это же другой цикл. Надо чтобы кто-то подумал, я про детей, посомневался, поотнекивался, потом, чтобы у него не получилось, его где-то заставили посидеть, потом, чтобы он вовлекся, потом его дальше тянет, вовлекло и остановило – и это не 40 минут. Это может быть даже не день. Но протоколы финансовые, крепления того, кто за что в практиках образования отвечает, и кто за что за какие деньги спрашивает результат – они совершенно другие. И в этом смысле мы делаем одно, а делаем вид совершенно про другое.

Попов А.А.: Я позволю собственную историю рассказать. Мне кажется, про развитие, теоретически очень много написано. Практики развития можно обсуждать, если ты сам являешься субъектом какого-то пространства, а теоретически есть специальные ученые, они пусть этим и занимаются.

Как только мы с вами входим в какой-то более менее серьезный контур развития, то сразу будет ощущаться, что вышли на какую-то очень сильную конфликтную зону существования своей собственной жизни.

Я считаю, чтобы говорить об институтах развития нужно выстроить периметр, границы этого развития. У нас такой институт есть, я считаю, Школа Гуманитарного образования, мы работаем около 20 лет, и мы выдали 231 диплом. Это наша граница. У некоторых ребят есть дипломы, а у некоторых нет. Через нас прошло 15 тысяч, и теперь 231 дипломник. Больше в своей жизни я никогда, никакими практиками развития не занимался. Вот про развитие.

Теперь про конференцию. Я считаю, что конференция посвящена очень маленькому сегменту средней России, и его надо просто четко удерживать и отрепетировать, и в этом сила. В этом смысле для меня самое главное в педагогике развития – это периметр, за который мы отвечаем. И если мы четко понимаем этот периметр – мы очень сильные. Мне кажется, что у педагогики развития сила заключается в том, что мы не претендуем и не должны претендовать, например, на мир, на всю нашу страну и т.д. Потому что то, что мы делаем, это очень маленький процент средней России, наши мысли, наши взгляды. Все.

Смирнов С.А.: Вы сказали: «Больше не занимался!»

Попов А.А.: Больше ничего серьезного в своей жизни я не сделал. Вот я занимаюсь там развитием и все. Поэтому я не могу говорить про все остальные проекты.

Смирнов С.А.: Теперь подвели итог. Если есть желание, просьбы и вопросы из зала, пожалуйста. Борис Данилович.

Эльконин Б.Д.: Сама задача, которая решается, и способ ее решения уже предполагает, что то, что называется развитием, во-первых, как-то уже представлено, что это не только из себя, но и перед собой. С этим можно играть. Это особый разговор. И, во-вторых, скажу честно, есть предположения что развитие, его бытование, у меня тут заминка, между этими двумя словами, требует для себя института. Есть такая штука, которая называется развитие, такой способ жизни. И эта штука требует для себя института. Поскольку я ничего не понимаю в институтах, там другая специальность, профессиональная. Я институт представил, какой-то такой институт, типа психологического института, типа академии образования, университета, который ответственен за развитие. У меня ощущение все копится и копится. Такую организацию, такую структуру, которая сама не растет. Как вы тут сказали, институт, который ответственен за развитие, то есть вы ему вменяете какие-то саморазвернутые вещи, которые сами не разворачиваются, а отвечают за то, чтобы население этого института развивалось, и детерминирует эту ситуацию. Тут мы имеем абсолютно другое для этого отдельно взятого института.

Аронов А.М.: Я хотел бы отнестись к тому, что говорила Оксана Семеновна Островерх и Татьяна Ивановна Юстус. Фактически в том, что говорила Оксана Семеновна, представлена такая модель того, что можно называть развитием. То есть полностью снимает первый репер. Там, на самом деле, противоречия нет. Фактически отмечают отдельные, относительно автономные институты, которые развиваются и изменяются с разной скоростью. Относительно неподвижная школа, заочный институт, которые занимается некими теоретическими вопросами, и частные практики, которые собственно и есть энергетиконосители, инициативы, где рисуется и изучается пробное действие. Вот это мне кажется достаточной моделью того, что называется практика развития. А теперь, если обращаться к институционализации, то, о чем говорила Татьяна Ивановна, там ведь проблема оформления противоречия. Вопрос в том, как добиться признания наличия такого противоречия. Не только высказать свою точку зрения, но и добиться. Как это и происходит во втором классе школы развивающего обучения, когда обнаруживается противоречие у равно обоснованных двух точек зрения. И когда участники дискуссии могут обосновать свою точку зрения, выставить четкие тезисы, и в

то же время понимают, что другая точка зрения достаточно обоснована. В этом плане признанием наличия противоречия, на мой взгляд, является то, что можно назвать институтом развития. Если есть институт развития, если есть признание наличия института противоречия, тогда в нем может происходить процесс оформления противоречия и могут быть осваиваемы, на разном материале, разном содержании.

Смирнов С.А.: Спасибо. Все-таки я позволю себе небольшую аналогию. Сейчас очень модно говорить об инновациях, о формировании разных институций, типа фонда Сколково, типа Роснано, типа РВК и т.д. И они вроде как должны отвечать за развитие. Их называют институтами развития. Другое дело как они с этим справляются. Не то чтобы им задание такое дано, а есть место и люди, которые должны формировать механизмы и протоколы, обеспечивающие реализацию разных практик развития. В этом смысле речь идет не о составе конторы, а речь о том культурном задании, которое, исходя из вызовов, надо выполнить. Другое дело, справляются они с этим или нет. Там специальное открытое пространство, когда они с неподвзятостью работают как с задачей.

Поливанова К.Н.: Я в прямом смысле можно сказать пришла с улицы. И у меня сейчас создается впечатление последнего заседания Временного правительства, когда уже все. Они уже на лестнице. Когда уже все ломается, а они какие-то последние вопросы решают. Это мое первое впечатление. И примером того, почему я так говорю, является следующее. Для меня достаточно сильным впечатлением последнего времени, последних трех месяцев, был выход фильма «Мастер», кто видел. Мы обсуждали с молодыми людьми, про что этот фильм, довольно трудно пересказать сюжет. Я сказала, что фильм про зависимость, зависимость от другого человека. Я почувствовала во всех этих обсуждениях точку развития, событие развития для определенных молодых людей, для этого креативного класса. Я абсолютно понимаю, что такого вида практики для них обычны, они потребляют большое количество культурного продукта, они либо игнорируют, либо накапливают, либо ничего с этим не делают. Кстати говоря, рынок искусства на Западе (я не знаю всех цифр, мне говорили, я их забыла) колоссальный. Это к вопросу о капитализации. Я не говорю о людях искусства как о накопительстве и т.д. Я говорю о сфере нерационального, я подчеркиваю, как сфере, которая предоставляет вероятность, венчурность события развития. Я не могу эту сферу назвать практикой, мне что-то мешает. Я точно знаю, что не институт. Согласно с Борисом Даниловичем, давайте РАО наделим обязанностью развивать и мы получим, то, что мы получим. У нас все время есть в языке целеполагание, образ потребного будущего, мы туда движемся, а все, что на улице происходит, сейчас в огромном количестве - без нашего участия. И мы в этом смысле лишние. Самое главное, у нас нет языка, которым мы могли бы схватывать то, что сегодня происходит, как только мы выходим за пределы рациональности. В пределах рациональности, да. И в этом смысле то, что сказала Оксана Семеновна для меня, как я услышала: «окукливается, зарабатывает деньги и т.д., если нет традиции». Я бы для себя согласилась, но сказала так: если нет языка понимать то, что здесь сегодня происходит. Например, в детском саду, который я организовала или кто-то организовал. И мне сегодня не важно, будет ли это практика в рамках культурно-исторической теории, когда все из рук взрослого, так или иначе. Или это будет поддержка, чувствительность к появлению, например, если пришел домой, попросил денег на развитие проекта, я, наверное, дам тебе денег, потому что я считаю, что это будет событие развития для кого-то или снимать такой фильм, что называется. Вот тогда будет понятно.

Собкин В.С.: Тут в формулировке есть два таких важных момента. Практики развития чего? Различие практики развития и новой практики. Вот Станиславский и Немирович-Данченко создали новый театр, МХАТ. Потом им приходит мысль, что для этой новой эстетики актеров старой школы надо обучить, они не могут играть по тому, что мы сейчас называем системой Станиславского. Они создают школу – МХАТ-1, МХАТ-2, из которой рождаются театры, Вахтанговский, ВГИК и т.д. А потом Луначарский издает декрет, согласно которому все театры переходят на игру по системе

Станиславского. Это к сюжету об институционализации и создания новой практики. Это механизмы. Мне кажется, ядро и стержень разговора заключается в соответствии новой практики, потом они, как практики развития, в этом отношении выступают, и дальше возникает проблема образования для этих новых практик. И это, с моей точки зрения, практики развития уже тогда, образования и институционализации. Особый шаг. Это очень сложный динамичный процесс.

Теперь ответу Борису Даниловичу. Вообще, в этом отношении про институт ты все знаешь, поскольку Александр Романович Лурия, на лекции которого мы с тобой вдвоем сидели, он говорил такую фразу: «Функция рождает орган». В социологии орган – это и есть институт. Я от Александра Романовича услышал это в 68-м году. Или иначе орган – социальная функция. Это и есть институт. Поэтому, когда мы обсуждаем практики развития и институциональные вещи, мы еще должны задать функции, ради которых происходит институционализация. И если мы это не будем обсуждать, то мы не вылезем. Итак, три момента: новые практики, практики развития и институционализация как развернутый, довольно длительный процесс.

Смирнов С.А.: Спасибо, но я хотел бы к функциям все-таки не сводить разговор.

Блинов Г.Н. В ответ на то, что Катерина Николаевна сказала. Мне кажется, очень жестко нужно различать прецеденты развития, которые случаются в том числе благодаря нам, вопреки нам, вместе с нами. В этом смысле это, конечно же, не делается по протоколам, по нормам, и даже конечно не через институты. И совсем другой вопрос, что с этими прецедентами делать. Например, систематически обсуждать, чтобы это событие, как событие, тоже в их жизни случилось. Это разные просто задачи, есть протоколы, есть протокол. Даже не однофамильцы.

Поливанова К.Н.: Я распаковываю нашу с вами позицию до последнего предела. Мы туда кладем ценность развития, которая существует относительно идеи прогресса. Тут не мое личное мнение, а просто с другой позиции. Мы это считаем за ценность, и мы относительно этого что-то выстраиваем? Давайте мы понимать будем это хотя бы как ограниченность нашего восприятия. Он не всеобщий!

Эльконин Б.Д.: Если квазиценность, то не всеобщий, а если действовать по-другому, то по-другому.

Блинов Г.Н.: Мне кажется, что и обсуждать это надо по-другому, не ломиться в открытую дверь. Нет тотальности и нет претензий, что кто-то вообще кого-то может развить.

Поливанова К.Н.: Мне кажется, что мы это вынесли за скобки и забыли, что мы это вынесли.

Блинов Г.Н.: Я лично нет.

Попов А.А.: Мне кажется очень важным, я называю это периметром, или пространством, или выбором направления развития, потому что то, что вы обсуждаете, Катерина Николаевна, если мы не попадем в нишу, тогда не надо думать, что развитие может быть в каждом времени и везде. И поэтому мы – Временное правительство, потому что мы, в свое время, я говорю в большей степени про ваше поколение, вы сделали интенцию, у нас уже же 20-я конференция, и вот теперь, как вы говорите и я тоже, надо выбрать периметр и это очень тонкая работа. Мы не можем быть все развивателями. Надо выбрать эту зону и следующую 21-ю работать туда. Это работа не одного человека, сообщества. Выбрать эту зону и закрепить как-то. И ваши примеры про искусство, говорят о том, что эту зону очень тонко надо выбрать.

Ефимов В.С.: Я бы сказал вот о чем. Да, мы понимаем ограниченность такого жесткого рационального подхода. Движение носителей культурно-исторической концепции состоит в том, чтобы по максимуму рационализировать акты развития, которые могут происходить. Сделать управляемыми, организуемыми и т.д. Переход, о котором говорила Поливанова, переход от институциональных к средовым формам, и тогда чувствительность к той среде, в которую попадает человек, а средой является и

искусство, и общественные коммуникации и образовательные события. Вот этот переход от институциональных к рационально-организованным другим, он задает перспективу для новых практик. И это, на мой взгляд, необходимо обсуждать, если мы хотим говорить не только о том, что было, но и о том, что необходимо.

Смирнов С.А.: Все-таки, давайте попробуем ответить на вопрос Катерины Николаевны. Они уже на лестнице, она говорит. Улица, она кричит в окно разными голосами. Мы здесь вещаем про практики развития, развитие для нас ценность, все замечательно. Улица кричит, имеем ли мы какой-то ответ на этот крик? Вооружены ли мы? Насколько мы понимаем то, что делаем или мы в островках, в анклавах, в огороженных зонах пытаемся развивать

Блинов Г.Н.: Конечно, улица кричит, но вы правильно сказали, кричит разными голосами. Вот ситуация кластера инновационных технологий в Железногорске. Деньги уже закачены, деньги выделяются под малые инновационные предприятия с очень льготными инфраструктурными условиями. Нарботки 20-летней давности. Ничего нового создать не могут, ни СФУ, ни технологические платформы, которые институционально спешно созданы. Теперь я могу сказать про периметр. Единственное, что я смог за 2 года из позиции руководителя Центра программы развития человеческого потенциала сделать – это актуализировать разработку новых территориальных программ с принципиально новым содержанием. И содержание должно отвечать на вопрос: как подготовить к тому, чего еще нет. Там должны быть новые технологии, которые еще разрабатываются, а готовить уже надо сейчас. Это жесткая необходимость конкретного города, который претендует на инновационную столицу Красноярского края и не только. Раз мы уже призваны, надо что-то делать средствами образования. Я-то все жду тему с коммуникацией. Когда мы начнем процесс с коммуникацией, прорыв здесь может быть. Это нельзя обсуждать эмпирически. Когда мы начнем, например, запускать процесс коммуникации, противопоставляя его процессу трансляции. Если мы это сейчас будем разворачивать. Мне кажется, что есть у института образования шанс обеспечить, я про кластер как пример говорю, уйти от сырьевой зависимости, про которую мы все говорим, в сторону инновационного сектора этой экономики знаний. Если мы образование помыслим как сферу производства обращений и капитализацию знаний – это что-то значит. Это означает вести протокол, начиная с 7-го класса точно и кончая магистерской подготовкой, где формы, связанные с объяснением материала, должны быть сведены до 15%. Из этих 15% – 80% нужно говорить только то, чего нет в Интернете. Вот это нужно обсуждать, как эта точка поведет за собой, создаст ситуацию развития, потом обустроить институционально и т.д. Объяснительный тип коммуникации убивает возможность развития. Теперь вопрос либо мы переходим к новым институтам – протоколам, которые надо не игнорировать, а делать предметом общего обсуждения с теми же работодателями, вузами, реальными учеными.

Смирнов С.А.: Не надо обсуждать вот «Это» в учреждениях образования и науки. На улице...

Блинов Г.Н.: В учреждениях науки это кооперации могли бы быть.

Попов А.А.: Я бы Сергея Алевтиновича сейчас поддержал. Почему понятие пространства важно для темы развитие? Мы должны выбрать масштаб.

Блинов Г.Н.: Мы это кто?

Попов А.А.: Я имею в виду, если мы с тобой что-то разбираем. Мы говорим о следующем: для 10 человек то, что ты сказал очень важно. У нас появляется какое-то сообщество, для которого это важно. Иначе получится так, что мы опять все на свете начинаем развивать, пусть этим занимается Дмитрий Анатольевич и Владимир Владимирович. Первый шаг должен быть про это. А вы про какие-то пространства. Кто-то вообще не знает слова «педагогика развития», не знает тех имен, которые мы называем. Нам же с этого ничего. Иначе, просто «хляк разорвет». И ты неудовлетворенно себя чувствуешь и это пространство надо определить. И это очень важно понять. И вообще все

на свете развивать – это большевистская логика. А выбрать этот кусочек и в нем действовать?

Смирнов С.А.: При этом выбирается не искусственно. Есть живая энергетика людей, их инициации

Блинов Г.Н.: Да вообще ничего не выбирается. Есть ситуации, на которые ты реагируешь либо не реагируешь.

Смирнов С.А.: Иницируем ситуации или ждем, когда они появятся?

Блинов Г.Н.: Есть куча этих ситуаций. Как мы и с какой позиции на это реагируем?!

Попов А.А.: Давайте зафиксируем. Есть две позиции. У Геннадия Николаевича есть такая объективистская позиция, у меня крайне субъективистская.

Ефимов В.С.: Я бы еще пару слов здесь сказал. Первое. Мы можем понимать под развитием в социальном масштабном формате, что становление индустриальной цивилизации, в которой мы находимся, в которой было сформировано большинство институтов, оно произошло, и оно происходило в этой логике. Есть группы прорыва, которые генерируют новую коммуникацию, новое мышление, потом появляется контур инженерно-технических работ, и институты – воспроизводство, трансляция знаний, нормирование и т.д. Потом появляются масштабные изменения, мы видим то, в чем мы сейчас находимся. Мы находимся в ситуации следующего сдвига, который связан с цифровой революцией, с изменением типа организации производственного процесса, о чем Геннадий Николаевич сейчас беспокоится. Это точно происходит. Вопрос: мы как-то к этому относимся или нет? Форма коммуникации, организации коллективного мышления, подпитанная этими технологиями, уже начинает преобразовываться.

Приведу частный пример. Какую компетенцию должен у себя сформировать студент 1-го, 2-го курса американского университета? Первое, он должен уметь в представленной ему ситуации оформить разрыв и перевести его в задачу. Дальше, подключить свое сетевое сообщество для решения этой задачи. И дальше, он должен оформить, провести сборку и оформить это как результат, привести решение. Уже этот выход в интерактивную форму взаимодействия, он там просто переходит в технологию. Мы говорим про рефлекссию. Американские солдаты после каждой военной акции просто ее технологически проводят и все. Поэтому вопрос о границах, здесь я с Александром Анатольевичем очень сильно солидаризируюсь. Мы сейчас пытаемся понять, как вообще могут меняться университеты. Университеты, которые на фазе становления индустриальной цивилизации были локомотивами развития, а сейчас превратились в непонятно что. В отстойник, собес, форму имитации. Я специально педалирую такое. И вот этот риск, когда ситуация поменялась или, как говорит Поливанова, «улица говорит другое», а мы продолжаем жить в старых институциональных форматах, мы фактически превращаемся в имитаторов и фальсификаторов.

Блинов Г.Н.: Что делать?

Ефимов В.С.: Обсуждая, какие механизмы развития в данной ситуации могут быть, мы начинаем понимать, что если раньше эти задачи худо или бедно решало вот это большое государство, то сейчас государство делает вообще не понятно что. И в этом смысле, что может быть органом, который помогает практикам развития из полуподпольных, лабораторных форм становиться более менее массовыми, меняющими ситуацию – этот вопрос оказывается открыт. Один из ответов – это те сообщества, которые начинают слышать, понимать друг друга, между которыми есть особая коммуникация, и которые очерчивают зону развития и вкладываются в это изменение. Другого варианта я пока не вижу.

Смирнов С.А.: Сообщества приходят и уходят. Александр Анатольевич почти похоронил свой проект.

Ефимов В.С.: Он говорит о той ситуации, в какой он вырос, оформился, понял ценность этого сообщества. А дальше вопрос, какие задачи может брать на себя это сообщество и начать решать.

Попов А.А.: В нашем подходе нам государство не нужно.

Ефимов В.С.: Там же институционализация происходит по двум каналам. Первый канал – нужно сообщество, которое в этом заинтересовано, и второй – нужен отклик общества, которое принимает эти изменения.

Попов А.А.: Это страна, а не государство.

Ефимов В.С.: Не государство, общество, которое принимает эти изменения. В чем проблема школы развивающего обучения? Родительский заказ есть на развитие? Его предельные формы? Александр Моисеевич Аронов говорит, что нет. Институционализации школ развития, в этом смысле, за счет ресурсов общества не происходит.

Эльконин Б.Д.: Скажите, а бывает ли заказ на развитие? Или кто-то может за развитие платить?

Смирнов С.А.: А как родители вам заказ сделают?

Ефимов В.С.: Родители не сделают заказ, это словесная форма. Но родители либо поддерживают, видят в этом перспективу для своего ребенка, либо абсолютно не понимают.

Смирнов С.А.: Не всегда. Они могут рассматривать школу как камеру хранения, чтобы было все чисто, уютно и тепло. Больше ничего не надо.

Муха Н.В.: Понятно, что родители не делают заказ прямо на развитие, вот если послушать родителей, и я это сейчас к теме о выборе зоны развития и т.д. Если послушать родителей, понятно, что они в другом языке, они выбирают, к какому образу жизни, к какой совместности со своим ребенком они хотят быть причастны за счет того, какую они выбирают школу или какую практику. Они хотят быть причастны к борьбе с ребенком за то, чтобы он делал домашнее задание? Они хотят быть причастны к борьбе с учительницей, которая не понимает, что у них ребенок один единственный и самый лучший? Или они хотят быть причастны к решению каких-то проблемных задач, к тому, чтобы почесать вместе с ребенком голову и думать как там лучше чего-то сделать? Или они хотят быть причастны к какой-то гордости за то, что ребенок делает и какой-то обратной гордости? Когда мы говорим про улицу, мы говорим не про то, чтобы смотреть, что там происходит и учесть это, мы должны говорить о том, что когда мы открыли-таки дверь и пустили людей к себе, мы должны ответить на вопрос, что мы готовы делать совместно. Не в том смысле, выбираем ли мы их как зону развития, а в том смысле, самоопределяемся ли мы, как те субъекты, которые что-то осмысленное готовы им предложить? И если, например, университет откроет двери и захочет учесть, что там делает производство, инновации и что есть люди младше, чем университетские студенты – вот эти все разные субъекты что смогут сделать, исходя из того, что университет держит как идею развития? Не надо никаких территорий отдельных выбирать, надо сказать, что я могу предложить для осмысленности, которая является одной из неотъемлемых частей движения к большему, развития.

Юстус Т.И.: Мне кажется, что ответить на этот вопрос и есть ключевая проблема: «Что я могу?» Хочу яснее оформить и упрочить то, что наблюдаю сейчас. По поводу вызовов этих самых. Мне кажется, то, что мы сейчас видим, что ключевой вызов состоит в том, что мы больше не знаем, что хорошо делать. В зале сидят люди, на книжках и практике которых я училась, приходила, смотрела, приставала, задавала вопросы, которые даже старались что-то со мной сделать. В зале сейчас есть даже мой первый пионервожатый. И они вроде как знают, что надо делать. На всех этих позициях. А сейчас мы что слышим: государство говорило, культурно-историческая концепция говорила, но теперь больше мы не знаем, что хорошо. И этот образ будущего, про который говорили, как один из критериев наличия, его больше нет. Такого, очевидно хорошего.

Смирнов С.А.: Ценностного горизонта нет? Ты не знаешь что такое хорошо, что такое плохо?

Юстус Т.И.: Не что такое хорошо, а как оно должно быть в будущем, куда оно должно привести. Это про лестницу.

Попов А.А.: Я и говорю о вашем большевистском подходе – вам постоянно нужна какая-то опора. То образа будущего нет, то государство деньги вам не дает.

Юстус Т.И.: Вы сейчас про кого?

Попов А.А.: Это я к позиции Блинова и вашей говорю. А есть другой подход. Субъективистское развитие. Когда мы, сообщество, несколько точек, определяют ценности и начинают в рамках этих ценностей двигаться и говорить, что ценно это, то, что мы признали. А вам постоянно чего-то не хватает! То денег государство вам не дает, то школы у вас нет, то они открытые, то закрытые. Где источник развития? Моя позиция субъективистская.

Юстус Т.И.: Вот и я про то же. Что однозначного ответа, что такое будущее, какое оно должно быть, куда вести – больше нет. Это и есть ключевой вызов и поэтому, то, что нужно делать, чтобы справиться с этим вызовом – это найти тот сегмент, о котором ты знаешь и веришь как должно быть и куда надо. И в этом и действовать, и не претендовать на то, что это универсально.

Смирнов С.А.: Тогда это предмет веры. И что вас смущает?

Эльконин Б.Д.: Хотя какая-то позиция высказалась. Я с ней не согласен, но это позиция.

Юстус Т.И.: Это я пытаюсь реагировать на то, что здесь происходит.

Блинов Г.Н.: Я к Попову. Саша, хочу правильно оформить. Вопрос не в том, объективистский или субъективистский, не надо натуралистично подходить к ответу на вопрос, какое именно будущее. Это вопрос постановки вопроса. И с субъективистской, с объективистской, по периметру – ты ставишь себе вопрос – какое оно возможно и без этого, ты там знаешь правильный ответ, просто у тебя есть энергетика думания на будущее, когда ты что-то делаешь в настоящем. Я на это акцентирую. А не то, что есть правильный ответ и ты на основании этого пишешь протокол и дальше всех развиваешь, а кто не развивается – сами виноваты.

Попов А.А.: Я не столько в твою сторону, сколько о том, что в стране существует, в системе управления, отчего мы страдаем, существует эта большевистская тенденция...

Блинов Г.Н.: Согласен.

Попов А.А.: И надо здесь поменять методологию. Не люди плохие из Советского Союза, а просто они так ментально устроены.

Блинов Г.Н.: Точно. Это проблема уже смыслозависимости. Под новыми словами старый смысл. Мы говорим будущее. О! Портрет выпускника нарисовали в программу развития и вперед!

Юстус Т.И.: В этом и вызов. Потому и нужен новый язык.

Смирнова Е.О.: Я, честно говоря, запуталась, о каком развитии идет речь? Развитии чего? Общества, системы образования, детей? Чего? Если речь идет о развитии ребенка, человека, то тут образ будущего необходим совершенно. Образ будущего не в смысле конкретности, а что хорошо, что плохо. Но развитие здесь необходимо как некоторое условие его существования. Если ребенок не развивается, то что ему противостоит? Стагнация? Распад? Это не может не быть каким-то ориентиром в нашей жизни. И как это должно быть устроено, какие условия развития – они тут постоянно проговариваются, и в данном случае я апеллирую к Борису Даниловичу, он многократно показывал механизмы этого развития, условия этого развития.

Но дело в том, что они остаются вот здесь, вот на этой трибуне, потому что никаких механизмов трансляции этого в общество нет. И тут мне очень понравился образ Екатерины Николаевны про лестницу. И тут действительно, они уже на лестнице. При этом «они» – это не только улица, это и рынок, который агрессивно очень захватывает

детство, и маркетизация детства, она разрушает тем самым это развитие. И система управления, которая противостоит этому развитию, которая не только не поддерживает, но и создает некую двойную реальность. Она требует того, что подхватывает институт, и что отрицает возможность какой-то нормальной коммуникации между ребенком и взрослым. Я со своей системы дошкольного образования говорю, и могу сказать, что наша московская система, она выстраивает реальность из какой-то показухи, имитации, когда от педагога требуются баннеры, сайты, выставки, презентации и все дошкольное воспитание занимается удовлетворением функционала дошкольного образования. Это вырывает их из реальности детской жизни и соответственно противостоит этому процессу. Это такой частный пример, но система управления – это то, с чем мы должны сражаться и противостоять, и в этом плане жизнь в каком-то замкнутом периметре, для меня в высшем смысле странная. Надо биться, пробиваться, сражаться и в этом плане вызов нашего времени – это противостояние этим самым напастям.

Попов А.А.: Спасибо, очень тонко подметили. Моя позиция, да, действительно другая совсем. Создать периметр, создать небольшой анклав, сообщество, послать все остальное и пусть оно туда идет, и как только мы станем депутатами Госдумы, тогда будем за всю страну переживать. Им за это зарплату платят, а нам нет.

Вопрос из зала: Ну, это «Игра в бисер»!

Попов А.А.: Да, это моя любимая книжка.

Смирнов С.А.: Это бастион!

Собкин В.С.: Они там стоят с одним простым требованием: «сделайте нам красиво». К этому тоже надо отнестись.

Вопрос из зала: А кто они-то?

Собкин В.С.: Они – это улица. Есть же понятие – артикулированность этих требований, образование, жизнь современная. Она выражена. Общество потребления. Она стоит без всяких требований, и корчится она безызыкая и требует простого, одного: Сделайте нам красиво! На это вы отвечать не хотите.

Ефимов В.С.: Я К.Н. Поливанову понял следующим образом. Это ситуация не новая, это старая ситуация, ей уже 15-20 лет. А новая ситуация состоит в том, что событие развития начинает происходить вне тех организованностей, которые мы задаем. Они начинают происходить в том пространстве, в котором они начинают формироваться. В этом смысле, пример с фильмом, он состоит в чем, что есть культурная среда, где молодежь находит для себя ситуации, в которых меняется их представление о себе. И это на самом деле вызов. Мы здесь рациональные планировщики с бастионами, с культурно-историческими трендами, когда оказываемся вне этой новой активности новых возможностей для изменения, которые уже существуют – вот это вызов точно.

Эльконин Б.Д.: Первый вопрос, который для меня тут мелькает, как для представителя культурной традиции – это институт или кто?

Смирнов С.А.: Да.

Эльконин Б.Д.: Если да, то эта традиция она вышла по моему чутью на границу, и поэтому то, что когда-то называлось развитием, и об образе чего мы сейчас разговариваем, стало очень актуальным. В связи с этим вопрос: из какой ситуации, если мы говорим, что мы на границе, и, когда мы имеем в виду развитие, мы эту войну имеем ввиду? Это про ситуацию. Я услышал про толпу, так это очень хорошо, когда на улице толпа и чего-то там дерется. Ты живешь в каком-то плотном пространстве, а я смотрю на улицу вокруг педагогики развития – вообще никого нет. Это полная пустота. И на эту пустоту еще и границу накладывать? Некуда. Нет места, куда бы можно было поставить стенку. Оно расползлось, рассеялось. Диаспоры ждут Моисея и Горыныча. Так мы про это или про другое?

Теперь про эту ситуацию, про будущее. Два есть поворота. Будущее – есть одна из опор, для того, чтобы настоящее прожить полностью и настоящее для того, чтобы будущее случилось. И тогда вопрос про институт. Вектор не может быть не

определенным. Если ты едешь, то на чем-то, и даже если не знаешь, то куда-то. Это необходимый момент этой организованности, которая называется институтом.

И последнее, что я понял про строение института, мне это Владимир Самуилович рассказал про структуру и функцию, фразы, которые слишком стали обобщенные и в этом смысле абстрактные. И это не Лурия, это Ламарк. Институция с двояко проницаемой границей, отчасти симметричной, движущейся, в которой можно работать интересно. А не словами адвокатов. Скажите, в чем мой заказ? Мой заказ двигаться в определенном направлении. Видимо, эта функция предполагает совершенно разные масштабы изменений одновременно, но организм культуры функции имеет органную, молекулярную, клеточную и всякие другие устройства и масштабы и другие единицы. И видимо внутри надо проблематизировать то, может ли эта социальная организованность двигаться лишь в некоем направлении или в качестве направления иметь горизонт? Горизонт – это настоящее, а не будущее. И этот институт должен оказаться существом, работающим в большей степени с пониманием, а не складыванием некой, кем-то изобретенной готовой схемы вовне себя. Что это за сообщество, которое в основу своего действия, а не размышления, положило понимание, смысловое начало образа и отношение? Что такое это за существо. Таких рядом не встретишь. Надо долго общаться, а потом жениться.

Блинов Г.Н.: Для меня, исходя из того, что я сегодня пытался развернуть, развиваются институты, а по сопричастности – и все остальное, вплоть до человека. В этом смысле вопрос о развитии институтов, например института образования. Это первое. Второй момент. Для того, чтобы институты развивались, какая нужна здесь позиция? Тотальная, не тотальная, очаговая, благодаря или вопреки, через образы будущего или нет? Это позиция понимающего управления. Почему я согласился участвовать в этой дискуссии? Потому что она про коммуникацию. Для меня коммуникация – это цель: обеспечивать понимание и кооперацию. Это второй тезис. Про ситуацию. Что за ситуацию понуждает развиваться в образовании – огромные издержки, которые мы платим за те самые высокие результаты, которые получаем. Издержки со здоровьем, с профессиональной самореализацией и т.д.

Резюме.

Смирнов С.А.:

Первое. К сожалению дискуссии не получилось. Одна из причин в том, что здесь-и-теперь, буквально на сцене, участники не выстраивали коммуникацию друг с другом. И не потому, что не умеют или не могут. Непосредственные участники, как раз, лучшие представители педагогики развития. Однако друг друга мало слушали и слышали. И модератору самому не хватало чего-то, чтобы сделать действие такое, чтобы начали слышать. В результате каждый ушел со своим.

Второе. Зафиксирован принципиальный дефицит: дефицит некоей социальной и культурной организованности, института, обеспечивающего устойчивость и долгосрочность практик развития. Его в нашем сообществе нет. Есть образование как бюрократическая система, она работает на себя, имитирует, паразитирует, сама себя кормит, и всех нас еще переживет. И она не нуждается в практиках развития. А рядом или внутри есть некоторые полигончики, небольшие островки, где худо-бедно реализуются разные практики развития, которые друг с другом слабо связаны или почти не связаны.

Третье. О провокации К.Н.Поливановой. Она вбросила провокацию относительно того, что вот-вот ворвется к Вам, господа хорошие, улица. И что вы ей ответите? У вас ответа нет. На эту провокацию ответ не получился. Но надо сказать, что и провокация не совсем адекватна. Просто потому, что на сцене сидели не временщики, а представители и носители как раз почти маргинальных для бюрократической школьной системы практик развития. То есть им кричать «Которые тут временные, слазь! – как-то не по адресу. Другое дело, вопрос принципиальный, его заострил Б.Д.Эльконин. Вокруг практик и

педагогики развития – пустота. И нет опоры. С одной стороны – школьный бесчеловечный конвейер, с другой стороны – бурлящая улица, то есть нечто активное и часто агрессивное, где много всего происходит, а ответа носители практик развития на новые вызовы (их назвал В.С.Ефимов) не могут сформулировать. И не, потому что не готовы к ответу лично и профессионально. Ответ не формулируется институционально, социально. В этой самой улице есть ли реальный заказ на развитие, то есть выстраивание сферы образования как института развития? Этого заказа как оформленного и представленного в управленческом, финансовом, организационном плане, пока нет. Значит, не пришло. Мы еще хорошо живем. Огородились в своих бастионах, обустроились худо-бедно. Раз в год собираемся на конференции. И разъезжаемся. До следующего раза. Не становимся ли мы сами имитаторами?